

А.В. Кириллов, М.Ю. Никитин

ЭМОТИВНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА КОНФЛИКТОГЕННОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННЫХ МАССМЕДИА РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Аннотация. Исследуются эмотивные маркеры конфликтности современных массмедиа. Эмотивность конфликтного дискурса массмедиа рассматривается как стратегия провокативности и манипулирования психоэмоциональной сферой реципиента. Анализ эмотивного пространства массмедийного конфликтного дискурса основан на теории эмоций (термин В.И. Шаховского) и с учетом принципа репрезентативности.

Ключевые слова: эмотивность, эмотивы, конфликт, конфликтность, массмедиа, Россия, Германия.

A.V. Kirillov, M.Yu. Nikitin

EMOTIVITY AS A PROBLEM OF CONFLICTOGENIC DISCOURSE OF MODERN MASS MEDIA IN RUSSIA AND GERMANY

Abstract. The article considers emotive markers of conflictogenicity of modern mass media. The authors consider the emotivity of the conflictogenic discourse of the mass media as a strategy of provocation and manipulation of the psychoemotional sphere of the recipient. The analysis of the emotive space of mass media conflictogenic discourse is based on the theory of emotions (V.I. Shakhovskiy's term) and taking into account the principle of representativeness.

Keywords: emotivity, emotive, conflict, conflictogenicity, mass media, Russia, Germany.

Сама по себе конфликтность современной коммуникации зиждется на агрессивной эксплуатации эмотивной лексики, которая обращена к устойчивым образам и реакциям психоэмоциональной сферы, позволяя манипулировать массовым сознанием, ученые обозначили этот феномен понятием «лингвотоксичность» [14]. Эмоции являются движущей силой жизнедеятельности человека, при этом они наглядно демонстрируют субъективность восприятия окружающей его действительности [1].

Данный процесс представляет интерес как для лингвистов, так и для психологов, поскольку социологическая, психологическая и чисто лингвистическая интерпретации соответствующих данных естественного языка (естественных языков)

дают возможность аргументированно представлять эмоциональные реакции как репрезентацию особых знаний, элементов концептуализации и категоризации мира. Эмоции максимально проявляются в массмедийном конфликтном дискурсе, обеспечивая интерес аудитории к излагаемой теме, направляя восприятие конфликтной ситуации [13].

Лингвистика эмоций – эмотиология – как научное направление лингвистических исследований сформировалась на стыке психологии и традиционной лингвистики. Она была и остается в центре внимания многих лингвистов-эмотиологов – К.С. Анумяна [1], И.В. Арнольда [2], А. Вежбицкой [4], В.М. Зинченко [6], К.Э. Изарда [8], Э.Р. Нигматуллиной [12],

Кириллов Андрей Викторович

аспирант, Югорский государственный университет, город Ханты-Мансийск. Сфера научных интересов: конфликтология, германистика, конфликтогенный дискурс. Автор 2 опубликованных научных работ.
Электронный адрес: kirillov.msc@gmail.com

Никитин Максим Юрьевич

аспирант кафедры русского языка, Воронежский государственный педагогический университет, город Воронеж. Сфера научных интересов: русский язык, конфликтология, языкознание. Автор 4 опубликованных научных работ.
Электронный адрес: 5183836@gmail.com

В.И. Шаховского [16; 17] и др. Все они при разнице в подходах и некоторых выводах сходятся в том, что обязательно следует разграничивать эмоциональность как психологическую характеристику личности, состояние его эмоциональной сферы и эмотивность как свойство языковых средств выражения эмоций в речевой деятельности человека, в каждом речевом акте, рожденном в определенной ситуации и направленном на оказание нужного воздействия на собеседника [5; 7; 10].

В.И. Шаховский в трудах по эмотивной лингвистике отмечал, что эмотивность является семантическим компонентом слова, поэтому эти эмотивные семы (эмосемы) могут занимать в семной структуре слова разные по значимости места [16; 17]. Иными словами, они могут становиться главными, категориально-лексическими (статус значения), а могут оставаться второстепенными, просто выделяемыми (определяемыми) [19]. Это важное замечание о природе эмосемы напрямую связано с жизненным циклом конфликтогенного дискурса вне зависимости от языка, поскольку базируется на универсальных принципах функционирования человеческой психики, а нарушения в использовании эмотивной составляющей

в лексическом значении слова приводят к лингвокогнитивному дисбалансу [20].

В связи с этим В.И. Шаховский разграничивал три типа эмотивности слова: собственно эмотивность (значение), эмотивность как одну из реализаций семантики слова (чаще всего коннотация) и контекстуальную эмотивность (уровень потенциала) [17]. На наш взгляд, эмотивность определяет конфликтогенный потенциал самого языка, позволяя выразить максимально возможные оттенки эмоций у носителя того или иного языка [6; 7; 11; 15] относительно того или иного факта, события, человека, явления.

Так, в немецком языке слово *die Emotion* соотносится с русским *эмоция*, что понятно из этимологии, при этом к лексемам *чувство* и *das Gefühl* близки по значению и их производные *эмоциональный*, *чувствительный* – *emotional*, *fühlbar*, а также словосочетания *выразить*, *проявить эмоции* – *Emotionen äußern*, *zeigen*. В то же время обозначение состояния «выразить, проявить чувства» – *Gefühle äußern*, *zeigen*.

По мнению В.М. Зинченко, эмотивность языка градуирована по степени абстракции, при этом сама лексема *эмоция* расположена выше по отражению максимума степени абстракции, чем лексема *чувство* [6]. Хотя

Эмотивность как проблема конфликтогенного дискурса современных массмедиа
России и Германии

и в русском, и в немецком языках имя существительное *эмоция* этимологически восходит к латинскому глаголу *emoveo* – *волнуюсь, возбуждаю*. В русском языке в молодежном узусе недавно появился глагол *эмоционировать* в значении «сильно волноваться, демонстрировать мощный спектр эмоций». Это слово впервые было употреблено на телепроекте «Дом 2» в значении «проявлять эмоции», что было обусловлено форматом реалити-шоу, когда участники пытаются совместить большой объем информации в меньшее количество времени. С легкой руки участников шоу слово стало полноценно функционировать в русском языке, перейдя в современную художественную литературу: «Наше с вами знакомство только начинается, поэтому прошу вас меньше *эмоционировать* и быть посерьезнее» (Михаил Шуваев, «По ту сторону пространства», 2013); «– *Эмоционировать* надо было раньше! С тобой даже ссориться было не так интересно, как с ней!» (Арина Ларина, «Страсть замедленного действия», 2013)»; «Затем он по-звериному кричал в хорошо изолированном вакуумом кабинете, рыдал, “рвал” на себе волосы, но потом, так же внезапно, как и начинал, прекращал *эмоционировать*, брал себя в руки и создавал все заново» (Тимур Матч, «Фантастика и романтика», 2020); «– Он же ... Он! – продолжала *эмоционировать* портниха. – Нет, вы точно видели?! Он ...» (Кристина Зимняя, «Дикарь королевских кровей. Книга 1. Леди-секретарь», 2020) и так далее.

В немецком языке также появился аналог *emotionalisieren*, который отличается по степени проявления эмоций от *fühlen* в значении «чувствовать». Таким образом, лексемы эмотивного пространства содержат такие семы, как *процесс, результат процесса, интенсивность процесса*. Любопытно, что изначально лексемы *die Emotion* и *эмоция* были лишены этих компонентов. Мы

согласны с А.С. Бутусовой и Л.Н. Бурой, которые подчеркивают, что именно глагол является приоритетом для передачи психоэмоциональных состояний человека [3].

Несколько иначе о различиях самой природы эмотивности в разных типах слов говорит И.В. Арнольд [2]. По ее мнению, слова, которые обозначают различные эмоции и чувства (*грусть, счастье, вина* и так далее), отличаются от слов, в которых эмоциональность обусловлена определенными реакциями на сам денотат, денотативное значение (*боль, молния, смерть* и так далее). Она указывает на то, что с лингвистической точки зрения это совершенно разные группы, поскольку эти слова имеют разные лексико-грамматические показатели (компоненты лексического значения, семантическая структура, синтаксические связи и так далее). Говоря об эмотивности, исследователи определяют разницу между эмоциями и чувствами следующим образом: эмоция (огорчение, радость, гнев, тревога, удивление и так далее) – это относительно кратковременное переживание, а чувство (любовь, уважение, ненависть и так далее) – это длительное, устойчивое отношение [1; 2].

Именно к этим базовым эмоциям апеллирует современный массмедийный дискурс с элементами конфликта, причем степень эмотивности регулируется посредством использования различных аффиксов. Например, уменьшительно-ласкательный суффикс *-chen* в немецком языке широко используется в массмедийном политическом дискурсе для передачи оттенков эмоциональной оценки в спектре от минуса к плюсу, что прекрасно иллюстрирует жизненный цикл конфликтогенного дискурса [9; 13]. Так, экс-министр экологии Германии Томас де Мезье для передачи собственного недовольства отношением к охране окружающей среды заявил: «*Diese Jungchen sollen fuer die Verschmutzung bezahlen*» («*Der Spiegel*», № 55, 2013, S. 43). В этой фразе немецкого

политика нейтральное существительное *der Junge* (молодежь, молодые люди) под влиянием суффикса *-chen* (со значением обесценивания и уничижения) становится ярко окрашенным словом с выраженным негативным значением эмоции гнева. Другой немецкий политик, Франк-Вальтер Штайнмайер в своем интервью для журналиста газеты «Bild», рассказывая о своем детском увлечении футболом, использует также существительное *Kind* с добавлением суффикса *-chen*: «So ein Baerchen war ich in der Kindheit nicht» («Bild», № 14, 2010, S. 23). Однако в этом словоупотреблении указанный аффикс *-chen* выполняет функцию уменьшительно-ласкательного, обозначая эмоцию радости. Немецкие политики сдержанны в вербальном публичном проявлении сильных эмоций, что соответствует нормам немецкого менталитета, для которого позиционирование неконтролируемых эмоций связано со слабым образом политика.

Соответственно, и А. Вежбицкая при анализе обозначений эмоций в разных языках приходит к выводу о наличии в этой сфере национально отличающихся по форме, но универсальных по сути понятий. Она классифицирует названия эмоций следующим образом:

- 1) эмоции, связанные с «плохими вещами»;
- 2) эмоции, связанные с «хорошими вещами»;
- 3) эмоции, связанные с людьми, совершившими плохие поступки и вызывающими негативную реакцию;
- 4) эмоции, связанные с размышлениями и самом себе, самооценкой;
- 5) эмоции, связанные с отношением к другим людям [4].

Европейский взгляд в лице представителя Парижской школы семиотики А.-Ж. Греймаса рассматривает четыре основные манипулемы: искушение и запугивание (в плане обозначения возможности совершения действия), оболечение и про-

вокацию (в плане обозначения обладания большим знанием) [18, с. 221]. Эти манипулемы активно используют эмотивы в аспекте провокативности и поддержания конфликтогенного дискурса в современных массмедиа, что можно наглядно увидеть в массмедийном дискурсе «цветных революций» на постсоветском пространстве. Как правило, массмедиа выступают как манипулятор, при этом с опорой на модальность могут предлагаться реципиенту как положительные (в виде искушения, соблазна), так и отрицательные (в виде запугивания, нагнетания страха и паники) ценности, которые реализуются в прагматическом измерении. Например, это видно в рекламе установки VPN для обхода запрета закрытых сайтов в России (см. Рисунок).

Рисунок. Воскрешаем Инстаграм
(из открытых источников)

Эмотивность как проблема конфликтогенного дискурса современных массмедиа
России и Германии

Экспрессия нагнетается с использованием таких слов и выражений, как *судный день*, *воскрешаем*, *ограничение на доступ* и др. В когнитивном измерении использования эмотивов мы можем видеть как положительное суждение (обольщение), так и отрицательное суждение (провокация). При этом происходит оценка потенциальных компетенций, которые необходимы для совершения определенного действия со стороны реципиента.

Таким образом, в русском и немецком массмедийном дискурсе эмотивность чаще выполняет роль провокативного фактора конфликта при передаче психоэмоциональной оценки. При помощи эмотивности современные массмедиа выражают разные степени эмоциональности и оценки при обнаружении языковых универсалий, отражающих психоэмоциональные состояния человека.

Литература

1. *Анумян К.С.* Особенности эмотивно-коммуникативных процессов адаптации мигрантов // Вестник Российского нового университета. Сер.: Человек в современном мире. 2020. Вып. 4. С. 58–62.
2. *Арнольд И.В.* Основы научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Флинта, 2018. 174 с.
3. *Бутусова А.С., Бурая Л.Н.* Вербальные и невербальные средства выражения эмоциональности в немецком политическом дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 6. С. 136–144.
4. *Везбицкая А.* Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. 568 с.
5. *Дудкин О.С.* Реализация категории эмотивности в тексте интервью: на материале английского и немецкого языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2014. 21 с.
6. *Зинченко В.М.* Актуализация категории эмотивности в немецком тексте // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 2. С. 51–59.
7. *Золотых Т.И.* Проблемы выражения эмоций через лексические средства языка (на материале немецкого языка) // Территория науки. 2017. № 3. С. 7–11.
8. *Изард К.Э.* Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 464 с.
9. *Карабулатова И.С., Никитин М.Ю.* Иноязычная VS национальная терминология: лингвоконфликтогенный вызов современной геополитики // Вестник РосНОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021. Вып. 4. С. 62–68.
10. *Копнина Г.А.* Речевая манипуляция в массмедийном тексте/дискурсе: проблема распознавания // Филология и человек. 2021. № 3. С. 30–46.
11. *Лагуткина М.Д., Карабулатова И.С.* Эвфемизмы в современном манипулятивном дискурсе СМИ // Вестник Марийского государственного университета. 2021. Т. 15. № 4(44). С. 454–463.
12. *Нигматуллина Э.Р.* Реализация лексико-семантической категории эмоций в англоязычном газетном/ журнальном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2021. 24 с.
13. *Никитин М.Ю., Устьянцева А.Д., Бородина Н.В.* Лингвоконфликтогенность современного массмедийного дискурса России // Вестник РосНОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 81–90.
14. *Сковородников А.П., Копнина Г.А.* Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. 2017. № 3. С. 28–32.

15. Сяо Дунся, Карабулатова И.С., Шехи Эрзола. Эйджизм-потенциал языка и языковая репрезентация образа старости в разносистемных языках // Вестник РосНОУ. Сер.: Человек в современном мире. 2021. № 4. С. 100–109.
16. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 191 с.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
18. Greimas A.J., Courtés J. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage. P.: Hachette Supérieur, 1993. 454 p
19. Ebzeeva Yu.N., Karabulatova I.S., Mukhamadieva E.F., Anumyan K.S. The Problem of “Sense – Meaning – Concept” in the Context of Modern Intercultural Communication as a Reflection of the Processes of Globalization and Migration // Current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020). Part of series Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Amsterdam: Atlantis Press, 2020. Pp. 363–373.
20. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021). Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. № 14(10). Pp. 1517–1537.

References

1. Anumyan K.S. (2020) Osobennosti emotivno-kommunikativnykh protsessov adaptatsii migrantov [Features of emotive and communicative processes of adaptation of migrants]. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 4. Pp. 58–62. (In Russian).
2. Arnold I.V. (2018) *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of scientific research in linguistics]. Moscow: Flinta. P. 174. (In Russian).
3. Butusova A.S., Buraya L.N. (2014). Verbal'nyye i neverbal'nyye sredstva vyrazheniya emotional'nosti v nemetskom politicheskom diskurse [Verbal and nonverbal means of expressing emotionality in German political discourse]. *Humanities and social sciences*. No. 6. Pp. 136–144. (In Russian).
4. Vezhbitskaya A. (2011) *Semanticheskiye universalii i bazisnyye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow: Languages of Slavic cultures. 568 p. (In Russian).
5. Dudkin O.S. (2014) *Realizatsiya kategorii emotivnosti v tekste interv'yuu: na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov* [Realization of the category of emotivity in the text of the interview: on the material of English and German]. PhD thesis. St. Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 21 p. (In Russian).
6. Zinchenko V.M. (2012) Aktualizatsiya kategorii emotivnosti v nemetskom tekste [Actualization of the category of emotivity in the German text]. *Bulletin of LSU named after A.S. Pushkin*. No. 2. Pp. 51–59. (In Russian).
7. Zolotykh T.I. (2017) Problemy vyrazheniya emotsiy cherez leksicheskiye sredstva yazyka (na materiale nemetskogo yazyka) [Problems of expressing emotions through lexical means of language (based on the material of the German language)]. *The territory of science*. No. 3. Pp. 7–11. (In Russian).
8. Izard K.E. (2006) *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. St. Petersburg: Piter. 464 p. (In Russian).

9. Karabulatova I.S., Nikitin M.Yu. (2021) Inoyazychnaya VS natsional'naya terminologiya: lingvokonfliktogennyy vyzov sovremennoy geopolitiki [Foreign VS national terminology: a linguoconflictogenic challenge of modern geopolitics]. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 4. Pp. 62–68. (In Russian).
10. Kopnina G.A. (2021) Rechevaya manipulyatsiya v massmediynom tekste/diskurse: problema raspoznavaniya [Speech manipulation in mass media text/ discourse: the problem of recognition]. *Philology and Man*. No. 3. Pp. 30–46. (In Russian).
11. Lagutkina M.D., Karabulatova I.S. (2021). Evfemizmy v sovremennom manipulyativnom diskurse SMI [Euphemisms in modern manipulative media discourse]. *Bulletin of the Mari State University*. Vol. 15. No. 4(44). Pp. 454–463. (In Russian).
12. Nigmatullina E.R. (2021) *Realizatsiya leksiko-semanticheskoy kategorii emotsiy v anglo-azychnom gazetnom/ zhurnal'nom tekste* [Implementation of the lexico-semantic category of emotions in the English-language newspaper/magazine text]. PhD thesis. Moscow: Moscow State Linguistic University. 24 p. (In Russian).
13. Nikitin M.Yu., Ust'yantseva A.D., Borodina N.V. (2021) Lingvokonfliktogenost' sovremennogo massmediynogo diskursa Rossii [Linguo-conflictogenicity of the modern mass media discourse of Russia]. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 4. Pp. 81–90. (In Russian).
14. Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. (2017) Lingvotoksichnyye yavleniya v rechi i yazyke [Linguotoxic phenomena in speech and language]. *The World of the Russian Word*. No. 3. Pp. 28–32. (In Russian).
15. Xiao Dongxiao, Karabulatova I.S., Shehi Eryola (2021) Eydzhizm-potentsial yazyka i yazykovaya reprezentatsiya obraza starosti v raznosistemnykh yazykakh [Ageism is the potential of language and the linguistic representation of the image of old age in diverse languages]. *Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*. No. 4. Pp. 100–109. (In Russian).
16. Shakhovskiy V.I. (1987) *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language]. Voronezh: Publishing House of Voronezh University. 191 p. (In Russian).
17. Shakhovskiy V.I. (2008) *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy* [Linguistic theory of emotions]. Moscow: Gnosis. 416 p. (In Russian).
18. Greimas A.J., Courtés J. (1993) *Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage*. P.: Hachette Supérieur. 454 p.
19. Ebzeeva Yu.N., Karabulatova I.S., Mukhamadieva E.F., Anumyan K.S. (2020) The Problem of “Sense – Meaning – Concept” in the Context of Modern Intercultural Communication as a Reflection of the Processes of Globalization and Migration. *Current problems of our time: the relationship of man and society (CPT 2020). Part of series Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Amsterdam: Atlantis Press. Pp. 363–373.
20. Karabulatova I.S., Aipova A.K., Butt S.M., Amiridou S. (2021) Linguocognitive conflict of digital and pre-digital thinking in online educational discourse during the pandemic: social danger or a new challenge? *Journal of the Siberian Federal University. Humanities*. No. 14(10). Pp. 1517–1537.